

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АНТИЧНЫХ КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ

Доминикова Светлана Федоровна
доцент кафедры иностранных языков
учреждения образования «Могилевский государственный
университет имени А.А. Кулешова»;
кандидат филологических наук, доцент
(г. Могилев, Беларусь)

В статье рассматриваются содержание и особенности трактовки античных крылатых выражений в лингвокультурологическом аспекте. Известные латинские крылатые изречения – *Alea jactata est* и *Veni, vidi, vici* – интерпретируются с учетом их лингвокультурологической специфики.

Дискурсивное пространство современного языкового социума характеризуется такой особенностью, как интертекстуальность, насыщенность аллюзиями, прецедентными текстами, цитатами, крылатыми словами и выражениями (далее – КС). КС, функционирующие в устной публичной речи и письменных текстах различных жанров, – это не только свидетельство сложившихся межъязыковых и межкультурных связей, их динамики и перспективы в диахронии и синхронии, но и отражение культурного кода любого языка.

Неизменный интерес лингвистов к крылатым словам обусловлен множеством факторов: во-первых, необходимостью осмысления и интерпретации их интертекстуальной природы, во-вторых, востребованностью трактовки культурной коннотации их компонентов, отражающих сложные переплетения языка и духовной культуры: архетипов, мифологем, образов, символов и стереотипов, в-третьих, востребованностью осмысления механизма употребления КС с позиций лингвопрагматики.

Придерживаясь ранее высказанных взглядов, будем рассматривать КС как лексические, фразеологические и афористические единицы, обладающие образностью и экспрессивностью, широкой употребительностью, вошедшие в язык из различных источников (литературных, фольклорных, исторических и др.): меткие слова или изречения, произнесённые историческим лицом в некоторой ситуации; цитаты из литературных произведений, публицистики, кинофильмов; рекламные ролики и др. [3].

Античные (древнегреческие и латинские) КС в фондах крылатики романских, германских, славянских и др. языков по праву занимают исключительный, особый статус. В большинстве современных языков обнаруживается значительное количество КС, восходящих к классической или средневековой латыни, напр.: рус. *Деньги не пахнут* < лат. *Non olet pecunia*; бел. *Чалавек чалавеку воўк* < лат. *Homo homini lupus est*; англ. *I fear the Greeks even when bringing gifts* < лат. *Timeo Danaos et dona ferentes*; фр. *L'habitude est une seconde nature* < лат. *Consuetudo est altera natura* и др. Так, в достаточно представительном фонде крылатых слов русского языка, включающем по данным словарей от 1800 до 4000 единиц, античные выражения составляют около 30–35 %. Античные КС чаще встречаются в калькированной форме, напр.: *До греческих календ*; *Бог из машины*; *О вкусах не спорят*; *О мертвых или хорошо, или ничего*; *Так проходит слава земная*, а также в аутентичном виде, по-латыни, реже – на греческом, напр.: *ad Kalendas Graecas*; *Deus ex machina*; *De gustibus non est disputandum*; *De mortuis aut bene, aut nihil*, *Sic transit Gloria mundi*. Многие из них отличаются широкой употребительностью не только в книжной речи, но и в других стилистических регистрах современных языков.

«Крылатость» данных единиц, их устойчивость во времени и пространстве, вне сомнения определяется их особой ценностью, культурной маркированностью. В них часто архивируются социокультурные или этнокультурные особенности мировосприятия, верования, убеждения людей, живших в далекую эпоху, детали из жизни и деятельности выдающихся личностей, оставивших след в истории европейской цивилизации, и, как следствие, некоторые из изречений нередко становятся источником представлений о событиях из античной истории.

Так, в фондах большинства европейских языков зафиксировано крылатое изречение лат. *Alea jacta est*, иногда *Jacta alea est* (*Жребий брошен*), употребляемое в значении «выбор сделан, окончательное решение принято»; как и лат. *Veni, vidi, vici* (*Пришел, увидел, победил*) – в ситуативном значении «быстрое, решительное и успешное достижение какой-либо цели». Следует отметить, что, несмотря на устойчивую ассоциативную связь с определенными историческими событиями (*resp.* переходом Цезарем (49 г. до н.э.) реки Рубикон, отделявшей Цизальпийскую Галлию от Италии, и битвой при Зеле (47 г. до н.э.), состоявшейся во время понтийского похода Цезаря), оба выражения стали своеобразными мифологемами, обрели обобщенность в обозначении ситуации и сейчас употребляются повсеместно, как правило, без прямой отсылки к данным историческим фактам.

Рассмотрим природу мифологизации данных крылатых изречений.

Оба выражения традиционно приписываются древнеримскому государственному и политическому деятелю, полководцу, оратору и писателю Гаю Юлию Цезарю, или Божественному Юлию (100–44 г. до н.э.). В авторитетных словарях крылатых слов имеется краткая информация, связанная этимологией указанных изречений [1, с. 121; с. 284; 2, с. 171; с. 404], однако социокультурный и историко-культурный контекст ситуаций, в которых они возникли, описывается неполно, хотя, применительно к нашему анализу, вызывает неподдельный интерес.

Так, разноречивыми свидетельствами сопровождается ситуация, в которой возникло изречение *Alea jacta est*. По Плутарху, слова были произнесены на греческом языке, как цитата из Менандра «Да будет брошен жребий» (Сравнительные жизнеописания, Цезарь, 32) [4, с. 463], а по свидетельству римского историка Светония, – на латинском (Жизнь двенадцати цезарей, Божественный Юлий, 32) [5, с. 16].

Подлинно мифологическое описание ситуации, в которой Цезарь оказался при переходе реки Рубикон, находим у Светония: «Он ещё колебался, как вдруг ему явилось такое видение. Внезапно поблизости показался неведомый человек дивного роста и красоты: он сидел и играл на свирели. На эти звуки сбегались не только пастухи, но и многие воины со своих постов, среди них были и трубачи. И вот у одного из них этот человек вдруг вырвал трубу, бросился в реку и, оглушительно протрубив боевой сигнал, поплыл к противоположному берегу. «Вперед, – воскликнул тогда Цезарь, – вперед, куда зовут нас знамена богов и несправедливость противников! Жребий брошен» (Жизнь двенадцати цезарей, Божественный Юлий, 32) [5, с. 15–16]. Божественное знамение здесь, – по-видимому, явление Аполлона как предсказателя будущего, пророка, научившегося искусству предсказания у Пана, именно поэтому в описании видения Аполлон предстает не в обычном образе, с кифарой, а со свирелью.

Несмотря на то что Светоний отразил в нескольких разделах жизнеописания множество деталей из ораторской деятельности Цезаря, обладавшего заслуженной славой одного из первых ораторов Рима, (Жизнь двенадцати цезарей, Божественный Юлий, 55, 56) [5, с. 22–23], все же образ Цезаря как реального оратора не сложился в полной мере. Так, за исключением упоминания о том, что «...» говорил он голосом звонким, с движениями и жестами пылкими, но приятными. «...» (Жизнь двенадцати цезарей, Божественный Юлий, 55) [5, с. 23], ни у Светония, ни у Плутарха не находим описаний, где бы Цезарь изображался в реальной ситуации, демонстрировал искусство *stilus imperatorius* (императорского стиля), агональную (вдохновляющую) силу речей. Большинство сюжетов, в которых приводятся слова Цезаря или описывается реальная речевая ситуация, окружены магическим или мифологическим контекстом.

Второе крылатое изречение Цезаря *Veni, vidi, vici* сопровождается более реалистичным историко-культурным контекстом. Доподлинно неизвестно, являлся ли Цезарь автором данного

изречения действительности. Поскольку обычно отсутствует прямое указание на источник письменной фиксации выражения, как и отсылки к конкретным мемуарам, письмам или другим текстам, принадлежавшим перу Цезаря. И хотя в некоторых словарях крылатых слов упоминается, что именно этими словами Цезарь известил одного из своих друзей (Аминтия) в Риме о победе над понтийским царем Фарнаком) [2, с. 404], более целесообразным видится другой подход к трактовке ситуации.

Цезарь, прославившийся как великий полководец, практически не знавший поражений во многих военных походах, вошел в анналы истории еще и как инициатор пышных и роскошных торжеств по случаю военных побед. Согласно опять же Светонию, Цезарь отпраздновал пять триумфов: «первый и самый блистательный триумф был галльский, за ним – александрийский, затем – понтийский, следующий – африканский, и наконец – испанский: каждый со своей особой роскошью и убранством. «...» В понтийском триумфе среди прочих предметов в процессии несли надпись из трех слов: «Пришел, увидел, победил», – этим он отмечал не события войны, как обычно, а быстроту ее завершения» (Жизнь двенадцати цезарей, Божественный Юлий, 37) [5, с. 17]. Так, ситуация и ее социокультурный контекст, представленные Светонием, отразили не только факт своеобразной письменной фиксации, но и мотивировку изречения Цезаря, которая в последующем во многом определила его функциональную характеристику и закономерности воспроизведения как крылатой единицы.

Усвоение крылатых изречений латинского языка – один из традиционных компонентов преподавания учебной дисциплины «Латинский язык» для гуманитарных специальностей (филологических, исторических, юридических) в учреждениях высшего образования. Определенный минимум латинских крылатых выражений предлагается студентам для чтения, перевода и заучивания наизусть. Вместе с тем, далеко не каждое изречение на латыни может иметь культурную коннотацию, поэтому ее наличие, наряду с широкой употребительностью, выступает критерием для включения античных выражений в необходимый минимум для усвоения. Афористический минимум классического языка следует рассматривать как инструмент формирования лингвокультурологической компетенции обучающихся, как способ приобщения к сокровищам античной истории и культуры.

Таким образом, в рамках современной модели лингвистического образования изучение классических языков связано не только с формированием системы лингвистических знаний, но и системы знаний о культуре, истории, духовном богатстве народа-носителя языка, характерных культурно-страноведческих особенностях действительности.

Список использованной литературы

1. Ашукин, Н. С. Крылатые слова : Литературные цитаты; Образные выражения / Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. – 4-е изд., доп. – Москва : Худож. лит., 1987. – 528 с.
2. Берков, В. П. Большой словарь крылатых слов русского языка / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. М. Шулежкова. – Москва : Русские словари, Астрель, АСТ, 2000. – 624 с.
3. Иванова, С. Ф. Крылатые словы і праблема іх вывучэння ў беларускай мове / С. Ф. Иванова // Веснік Беларускага дзярж. ун-та. Сер. 4. – 2008. – № 2. – С. 18–21.
4. Плутарх, Сравнительные жизнеописания / Плутарх: в 2 т. – Т. II. – 2-е изд. исправ. и доп. / подгот. С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, С. П. Маркиш. / отв. ред. С. С. Аверинцев – Москва : Наука, 1994. – 674 с. (Серия «Литературные памятники»).
5. Светоний Транквилл Гай, Жизнь двенадцати цезарей / Светоний Транквилл Гай / пер. с лат. М. Л. Гаспарова / отв. ред. С. Л. Утченко. – Москва : Наука, 1993. – 328 с. (Серия «Литературные памятники»).